

Значение опыта Н. М. Карамзина в создании образа «странного человека»: М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»

А. Н. Кудреватых
Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье рассматривается повесть «Моя исповедь» Н. М. Карамзина как произведение положившее начало традиции изображения героя нашего времени. М. Ю. Лермонтов использует опыт Карамзина в создании образа «странного человека» в своем романе «Герой нашего времени».

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, М. Ю. Лермонтов, «странный человек», герой времени.

A. N. KUDREVATYKH. *The value of Nikolay Karamzin's experience in creating the image of a "strange man": Mikhail Lermontov, "Hero of Our Time"*

Abstract. In article the story "My Confession" of N. M. Karamzin as work the laid foundation of tradition of the image of the hero of our time is considered. M. Yu. Lermontov makes use of Karamzin's experience in creation of an image of "the strange person" in the novel "Hero of Our Time".

Keywords: N. M. Karamzin, M. Y. Lermontov, "the strange man", the hero of time.

Традиционные утверждения литературоведов о том, что многие поздние произведения Н. М. Карамзина положили начало целому ряду художественных традиций в русской литературе XIX века. Так, например, у Д. Д. Благого находим следующие суждения: «Карамзин сделался признанным главой русского сентиментализма, создав многочисленную школу учеников и подражателей. Отпечаток карамзинизма носят на себе почти все значительные явления первых двух десятилетий XIX века» [Благой 1951: 668].

Особое внимание обычно уделяют неоконченному роману «Рыцарь нашего времени» (1803). Еще В. Г. Белинский полагал, что именно это произведение стоит у истоков важнейшей тенденции в историко-литературном процессе первой трети XIX века: «Мысль изобразить в романе героя нашего времени не принадлежит исключительно Лермонтову. <...> Мысль эта принадлежит Карамзину. Он первый сделал не одну попытку для ее осуществления. Между его сочинениями есть неоконченный, или, лучше сказать, только начатый роман, даже и названный «Рыцарем нашего времени»» [Белинский 1954: 78–79]. Аналогичные размышления находим в трудах Л. А. Сапченко [Сапченко 2001], С. Б. Каменецкой [Каменецкая 1996: 64], Ф. З. Кануновой [Канунова 1967: 64], Г. А. Гуковского [Гуковский 1967: 84] и других исследователей. Как правило, отмечается особое значение очерка «Чувствительный и холодный» (1803) и неоконченного романа «Рыцарь нашего времени» (1803) для складывающейся традиции произведений о герое времени.

Пожалуй, наиболее полно главные аспекты этой проблемы обозначены Б. Т. Удодовым: «В „Рыцаре нашего времени“ (1799–1803) основоположник русского сентиментализма пытался нащупать новый путь отображения действительности, который

был предчувствием романтизма и в какой-то мере реализма. Автор ставил своей целью, отталкиваясь от лишенных исторических примет времени сентиментально-идиллических повестей и в то же время от псевдоисторических романов с бесконечными авантюрами приключениями героев, дать историю души своего героя Леона. Стремление Карамзина к преодолению сентиментализма, но на его же положительной основе (внимание к внутреннему миру человека), а не просто путем его отрицания, попытки дать психологически углубленное изображение своего современника — все это делает „Рыцаря нашего времени“ примечательным явлением в становлении образа „героя века“ в русской литературе» [Удодов 1989: 10].

Как известно, тему героя времени вскоре продолжили А. С. Пушкин в «Евгении Онегине» и М. Ю. Лермонтов в своем романе «Герой нашего времени».

Б. Т. Удодов отмечает: «Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению некоторых отечественных предшественников Печорина, обратим внимание на одну особенность лермонтовского героя. Печорин — *странный человек*. Так его аттестует добродушный Максим Максимыч: «Славный был малый, смею вас уверить; только немножко странен... Да-с, с большими был странностями...».

Странным человеком его называет княжна Мери, Вернер. Отмечает странность в облике Печорина офицер-повествователь. Да и сам Печорин не раз признается в своих странностях» [Удодов 1989: 9–10].

По мнению Б. Т. Удодова, эпитет «странный» повторяется применительно к Печорину так часто, что постепенно перестает быть только одним из эмоционально-экспрессивных средств языка автора и героев, приобретая оттенок терминологически-определяющий. За ним встает склад характера, тип личности, который интересовал многих писателей первой трети XIX в., поскольку был интенсивно представлен в реальной русской действительности. Поэтому он должен быть включен в типологию образов русской литературы наряду с такими значительными литературными типами, как образы «маленького человека», «лишнего человека» и др. [Удодов 1989: 17], причем последний характеризуется Б. Т. Удодовым как особая конкретно-историческая и социально-психологическая разновидность более общего типа «странный человек».

Б. Т. Удодов подчеркивает тесную связь «странный человек» со своим временем и обществом: «Он потому-то и кажется странным, что берется в неразрывной связи с массой обычных, повседневно встре-

чаемых людей. Это, прежде всего, и обуславливает реальную, а потом и реалистическую природу образа „странный человек“. Он нес в себе проблему современного человека, шагнувшего в своем развитии дальше большинства современников» [Удодов 1989: 17]. С нашей точки зрения, таким образом, можно говорить, что «странный человек» является одним из героев своего времени.

Давая своему роману название, открыто перекликающееся с «Рыцарем нашего времени», Лермонтов тем самым прямо указывает на творчество Карамзина как отправную точку его собственных творческих поисков, причем учитывал и те открытия, которые были сделаны предшественником в ходе работы над другими произведениями, в частности, над повестью «Моя исповедь» (1802).

Для начала обратим внимание на явный интерес автора «Героя нашего времени» к многостороннему изображению человеческого характера: и извне, глазами окружающих его людей (Максим Максимыч, путешествующий «по казенной надобности» автор-личный повествователь), и изнутри, глазами самого героя, благодаря исповедальной форме повествования в «Журнале Печорина». Герой «Моей исповеди», некий граф NN, в своей рукописи также предстает перед читателем в двойном освещении: таким, каким он кажется окружающим его людям, близким, родным, и таким, каким он видит себя сам. Писатель вполне определенно подводит читателя к пониманию того, что поведение, внешние проявления переживаний или эмоциональных состояний человека оказываются обманчивы. Откровения самого героя дают куда более верное представление о том, что на самом деле творится в его душе. Несомненно, граф NN представляет собой тип «странный человек».

«Журнал Печорина» и «исповедь» графа NN во многом перекликаются между собой. Выбранная писателями форма предполагает максимальную откровенность повествующих о себе персонажей. Причем и в том, и в другом случае записи попадают в руки человеку, принявшему решение опубликовать их, выставить, так сказать, на суд читателей. Разница лишь в том, что карамзинский граф сам отправляет свою рукопись некоему «издателю», в то время как Печорин даже не догадывается о том, что его дневники через Максима Максимыча попадут к третьему лицу. Это, вроде бы, незначительное различие, оказывается очень важным для понимания характера того и другого героя. Граф NN, стремясь опубликовать свои заметки, полагает, что тем самым он в очередной раз проявляет свою неординарность, бросает еще

один вызов обществу. Он явно любит собственную смелостью и оригинальностью. Но не все так просто, как кажется на первый взгляд. Ибо, с одной стороны, герой словно испытывает пределы собственной циничности, и мы видим, что они весьма широки (хвалится тем, что сумел укунить в туфлю самого папу римского, то есть сотворил кощунство самого высшего уровня), а с другой, — совершая один за другим безнравственные поступки, он как будто все время ждет, что его остановят, не дадут «безобразничать». Но никто его не останавливает. Люди предсказуемы и управляемы, для героя нет загадок в их сердцах. Чувство горечи и разочарования в современниках явно звучит в бесстыдных откровениях графа. В поведении героя «Моей исповеди» обнаруживается своя логика, которая никак не может расцениваться как проявление легкомыслия или неумения сознавать мотивы и следствия своих поступков. Напротив, наличие авторских комментариев к описываемому дает нам основания полагать, что герой отлично понимает, что он делает и — главное — для чего он это делает. Важно и то, что он способен дать самому себе отчет в мотивах тех или иных своих поступков. Он словно сам со стороны наблюдает за собой и объясняет себе свои побуждения. Думается, что в произведении Карамзина мы обнаруживаем первые зачатки той рефлексии, самоанализа, которые позже так блестяще будут представлены в гениальном романе Лермонтова: «Я давно уже живу не сердцем, а головою. Я взвешиваю и разбираю свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия. Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его...» [Лермонтов 1981: 292].

Обратим внимание на один важный, с нашей точки зрения, лейтмотив графских откровений: он постоянно упоминает о том, что разыгрывает перед окружающими его людьми спектакль, играет роль, ищет способы удивить своим поведением: «...я спешил поразить умы соотечественников разными странностями и с удовольствием видел себя истинным законодателем столицы» [Карамзин 1964: 732–733]; «Имение мое записывали, продавали с публичного торгу, но я все еще не унывал и в самый тот день, как меня выгнали из дому, думал играть главную роль в комедии „Беспечного“. Жестокие заимодавцы не хотели видеть спектакля — и мне надлежало искать убежища в доме одного моего родственника» [Карамзин 1964: 735]. Последняя цитата имеет двойную смысловую нагрузку — речь идет не только о любительском спектакле, который оказался сорванным «жестокими» кредиторами,

но и о том, в который граф с упоением превращает собственную жизнь. Кульминацией в этом отношении становится спектакль, разыгранный графом со своей женой. Дав ей согласие на развод, он затем притворяется искренне любящим и страдающим и добивается, чтобы бедная женщина бросила своего нового мужа, кстати, заплатившего за героя все долги: «Торжество мое было совершенно; я живо представлял себе изумление бедного князя и всех честных людей; сравнивал себя с романическими ловеласами и ставил их под ногами своими: они увозили любовниц, а я увез бывшую жену мою от второго мужа!» [Карамзин 1964: 737–738]. Герой Карамзина в глазах окружающих выглядит, несомненно, странным человеком, нарушающим установленные в обществе правила поведения.

И герой Лермонтова, и граф NN не показывают на людях своего истинного лица. Но если в «журнале» мы видим настоящего Печорина, то граф NN выдерживает свою роль до конца и превращает публикацию своих записок в очередное представление.

Стремление героя бесстыдно обнажить душу — не только еще один эксперимент над своей жизнью, но и знак того, что за внешней, словесной стороной циничных откровений кроется внутренняя драма, в которой граф NN себе не признается. Ибо не обнаруживается ли в публичной исповеди и желание быть, наконец, услышанным, понятым?

Карамзин не решился или не сумел поставить своего героя перед роковым вопросом о смысле собственного существования. В этом отношении лермонтовский Печорин несравненно глубже, душевно и умственно одареннее, но потому и внутренняя драма у него перерастает в настоящую трагедию: «Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А верно она существовала, и верно было мне назначенье высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные; но я не угадал этого назначения...» [Лермонтов 1981: 289].

На наш взгляд, можно говорить о некотором сходстве, созвучии представлений Карамзина и Лермонтова о природе человеческой души, о переключках в направлении творческих поисков двух русских писателей.

Таким образом, можно сделать вывод, что М. Ю. Лермонтов, работая над своим романом, несомненно, учитывал опыт Н. М. Карамзина. Одним из предшественников Печорина является граф NN — первый «странный человек» в русской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 9. М.: АН СССР, 1954.

Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. М.: Учпедгиз, 1951.

Гуковский Г. А., Куприянова Е. Н., Кучеров А. Я., Максимович А. Я. Карамзин и сентиментализм // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т лит. (Пушкин. Дом). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. V. Литература первой половины XIX века. Ч. 1. 1941. С. 53–180.

Каменецакая С. Б. Фольклорные мотивы в неоконченном романе Н. М. Карамзина «Рыцарь нашего времени». // Карамзинский сборник. Творчество

Н. М. Карамзина и историко-литературный процесс: сб. статей. Ульяновск: изд-во УлГПУ, 1996.

Канунова Ф. З. Из истории русской повести: ист.-лит. значение повестей Н.М. Карамзина. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1967.

Карамзин Н. М. Избранные сочинения : в 2 т. / Н. М. Карамзин. М.: Худож. лит. ; Л.: Худож. лит. 1964.

Лермонтов М. Ю. Собрание соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1981.

Сапченко Л. А. Карамзин и русская литература 2-ой половины XIX века. Учеб. пособие. Ульяновск: УЛГУ, 2001.

Удодов Б. Т. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: кн. для учителя. М., 1989.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кудреватых Анастасия Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания Уральского государственного педагогического университета.

Адрес: 620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Эл. почта: folkloristica@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kudrevatykh Anastasia Nikolaevna is a Candidate of philological Sciences, associate Professor of the Department of Literature and Methodics of Teaching of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).